

Дарья ДОЛГОВА

Родилась в 1992 г. в Саратове. С 1993 г. живёт в Ярославле.

Занималась тележурналистикой в студии детского телевидения «Пять с плюсом» при ГТРК «Ярославия».

В 2013 г. окончила ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Проза публиковалась в коллективном сборнике «Замороженное солнце» (2012).

Работает в одном из ярославских информационных агентств.

Туфли турецкого султана

Рассказ

День первый

Вечерний ливень напоминал о себе расплывчатыми кляксами, уныло стекающими по тёмным стенам подвала. Влажная затхлость стояла в воздухе. В узкие прямоугольные окна, задрапированные целлофановыми обрезками, бился холодный ветер.

Ида сидела в углу. В узком конусе бледного света были видны её колени, сплошь в синяках и ссадинах, и пухлая книжка в руках. На стёршейся обложке едва можно было различить название: «История Всесоюзной Коммунистической партии». Взгляд девочки рассеянно блуждал по странице, пока она не поняла, что вглядывается в одну и ту же строку уже несколько минут. Медленно, будто боясь сделать книжке больно, она положила её на отсыревший пол и на цыпочках подошла к окну. Тускло-унылое небо и силуэт обгоревшего дерева — это всё, что было видно с высоты Идиного роста. Девочка подошла вплотную к стене, приложила ухо к влажному бетону.

Где-то вдалеке слышно было мычание коров, скрип повозок, неуверенные шаги по пустынной улице. Но вот неровное шарканье переросло в мерную дробь, и в дальнем конце улицы показались колонны. Солдаты шли ровно, звук трубы эхом отдавался в полусырых подвальных стенах. Eins-Zwei! Eins-Zwei! Эсэсовцы остановились, пропуская тяжёлый грузовик, кузов которого был плотно обтянут серым брезентом.

Таких красивых мужчин Ида не видела никогда. Она стояла, прикованная к окну, и пыталась сквозь кустарник разглядеть рубленые черты лица, белесые волосы, выбивающиеся из-под помятых касок... Замыкал колонну совсем молоденький солдат. Остро очерченный нос и нелепый рваный шрам на левой щеке. Она смотрела на него, смотрела, но не видела в его лице ничего опасного. Он был больше похож на заморского принца, странствующего в поисках прекрасной принцессы, а не на убийцу. А принц — он ведь хороший, добрый, ему не нужны винтовки и гранаты. Он не мог, просто не мог забрать её отца, её друзей, соседей!

Шея затекла от неудобного положения, сводило ступни, но Ида будто приросла к шершавому полу. Труба зазвучала снова. Колонна ритмичным, чётко отработанным шагом двинулась в сторону берега. Не отрываясь, вглядывалась Ида в уходящего принца, всеми силами стараясь запомнить каждую его черту.

Как только последний солдат скрылся из виду и осела пыль, поднятая грубыми сапогами, всхлипнула и открылась тяжёлая деревянная дверь. Девочка вздрогнула и отпрянула в тень. В проходе стояла мама с миской, доверху наполненной ароматной шелковицей.

— Этот отряд ушёл, второй придёт к вечеру — сказала она шёпотом, подзывая дочку к себе и вручая ей, как победный флаг, миску. Белую, со светло-синим рисунком по краю. — Поешь и посиди тут ещё часок, а потом выйдешь, хорошо?

Девочка кивнула.

— Что тебе Марина дала сегодня почитать?

— Историю нашей партии. Мама, принеси свечку, пожалуйста, мне темно читать, — попросила Ида виноватым голосом.

— Чуть попозже, хорошо? Мне нужно уйти ненадолго, — она погладила светлые волосы дочки. — Вызывают к старосте.

— По поводу папы? — Девочка схватила мать за руку. — Ты только не говори ничего! Не говори, почему его забрали! И не переживай за меня, я не выйду из подвала! Честно!

— Какая ты у меня умница. Читай, учись, из тебя получится хороший учёный.

Дверь тяжело закрылась. Темнота идущих с моря туч растворила последние отблески света.

Бомбили порт.

День после первого

Как только с фронта приходили известия о новых войсках, вступающих в Таганрог, открывалась дверь подвала. Второй раз она распахивалась уже к ночи, а порой и на следующее утро. И можно было вдохнуть холодный, бодряще-солёный воздух, ещё не захламленный порохом и дымом.

...Пригнувшись к земле, постоянно оглядываясь, они пробирались через огороды к маленькому серому дому, в цоколе которого скрытый от глаз кустарниками темнел подвал. Шёл уже второй год оккупации, а соседи все ещё не доносили немцам о существовании маленькой девочки Иды, проводящей своё детство в подвале большевички Марины.

Днём, когда солнце нещадно пожирает город своими лучами, Идин подвал залит медовыми красками. И для того чтобы читать, не нужна свечка! Можно просто сидеть, прижавшись спиной к холодной в любую погоду стене, мечтать о путешествиях Робинзона Крузо, о полях, о хуторе Гремячий Лог... Каждый раз большевичка Марина приносила Иде новые книжки. И неважно, о чём они были написаны, девочка читала их взахлёб. Вот и сейчас она сидела на сложенном втрое выцветшем одеяле, рассматривая обложку книги Гладкова.

У окна послышались шаги. Девочка вскочила, прижав книгу к груди, и ступила в тень. Сердце прыгало, больно ударяя о рёбра. Рядом с проржавевшей решёткой она увидела знакомые загнутые носы туфель — Марина рассказывала, что такие раньше носили султаны в Турции — и с облегчением вышла на свет.

— Ида! Мама твоя сказала, что ты здесь! — послышался высокий голос Марины, и тут же в окне показалась её кудрявая голова. — На, возьми, я нашла сказки. Ты любишь сказки о принцах?

— Спасибо, Марина! Все девочки любят сказки! — улыбнулась затворница.

— А историю нашей партии ты прочитала? Будешь потом комсомолкой! — подмигнула ей большевичка. — Я, знаешь, что подумала... Давай, мы будем называть тебя Лидой?

— Но ведь это не моё имя! И оно некрасивое... — Ида покачала головой.

— Зато русское. Тебе же только безопаснее будет! — Задор в лице Марины враз испарился. — Послушай, пока тебя спасают только цвет твоих волос и мой подвал. Не упрямясь!

Ида нехотя кивнула.

— Никаких новостей нет? Когда придёт отряд? Варька с мамой нашлись?

— Не думай об этом, пусть взрослые думают. Хорошо? — Марина снова улыбнулась. — Говорят, что пока никто больше не придёт. Остаются только местные. Так что, Лидка, не переживай, скоро выйдешь, и Варьку вместе пойдём искать! А там и победим, а? Кстати, это тебе! — она просунула в окно руку, в которой лежал большой красный мятый с боков помидор. — Только что с грядки!

— Спасибо! — девочка аккуратно взяла трофей.

— Ешь. А я пойду, попробую разведать, что да как! — махнула ей рукой Марина.

— Будьте осторожней! — не выдержала Ида, но большевичка уже не слышала её. Слова нелепо повисли в разморённом воздухе, отдаваясь от глухих стен тихим эхом.

Ида посмотрела в залитое светом пространство и уверенным, твёрдым голосом сказала невидимому собеседнику:

— И все равно я — Ида.

Помолчав немного, она села на прежнее место и, подставив ветхие страницы солнцу, начала читать: «Отгремели громы гражданской войны...»

Внезапно раздался грохот. Загремели башмаки, и мимо окна засновали ноги в кирзовых сапогах. «Vonstatten! Vonstatten!» — прогремел лязгающий голос. Ида, тихо всхлипывая, вжалась в стену. Помидор покатился по промокшему полу. Гомон на улице не смолкал. Эта сцена была ей уже знакома, и только один вопрос мучил: кого на этот раз?

Воздух прорезал жуткий, режущий барабанные перепонки крик. Потом всё стихло.

Прошло около получаса, прежде чем Ида подошла к окну. Её трясло, разноцветные мушки плавали перед глазами, руки не слушались, а ноги зудели, будто их кто-то набил стекловатой. Окно перечёркнуто знакомым силуэтом обгоревшего дерева, залитым багряным солнечным светом.

Поборов противный, липнувший к рукам страх, она подошла к двери и что есть силы потянула за ручку. Дверь со скрипом поддалась.

Ветер ударил ей в лицо, взлохматил волосы, пробежал меж босых пальцев ног. Оглядев пустынное поле, девочка ползком двинулась по грядкам, задевая спелые, растрескавшиеся на жару помидоры. Их свежий запах увязался за ней, цепляя и щекоча пятки. Не вытерпела: схватила руками, измазанными в черноземе, огромный красный помидор и с наслаждением откусила сладкую мякоть.

Покончив с помидором, она ползком добралась до своей калитки и заглянула в щель между заборными досками. Двор был пуст. Протиснувшись внутрь, она потеряла равновесие и с грохотом врезалась в стоящую рядом баррикаду из пустых вёдер.

— Ида! — раздался взволнованный голос. Из сеней выбежала мама. — Ты что здесь делаешь? Почему руки красные?

— Мама, ты жива?! Мам, я слышала, что они приходили! Кого-то забрали? — тараторила девочка.

— Не знаю, доча! Быстрее в дом, быстрее! — они забежали в полутёмные сени и задвинули чугунный замок на входной двери.

Ида сидела на кухне. Книжки не лезли в голову. Да и читать уже надоело. Она смотрела в окно, в котором плескалось грязное море, забитое военными кораблями, и виднелся край берега, заставленный палатками. Бегали солдаты, что-то кричали, перетаскивая мешки в лодки.

Перед ней стояла белая миска, на дне которой уютно покоились несколько шелковиц. Мать подметала пол растрепанным веником.

— Не грусти, Лидусь. Сейчас наша большевичка придёт, книжек принесёт! — с натянутой улыбкой проговорила она. — Хочешь компоту?

— Мам, почему Марина нам помогает и меня не выдаёт? Большевики же нас ненавидят! — выпалила Ида.

— Тихо! Не смей так говорить! — мать застыла в полусогнутом положении. Потом выпрямилась, бросила быстрый взгляд на окна, швырнула веник в угол и присела рядом с дочкой.

— Об этом говорить нельзя, я сто раз тебе напоминала! А Марина... Они с мужем тебя очень любят. Смотри, ты же замечательная девочка — книжки читаешь, красавица вон какая растёшь. Если человек хороший, то и не важно, какая в нем кровь. Верно?

— Наверное... А почему тогда немцы нас не любят, если мы хорошие люди?

— Нечего ненужные разговоры заводить. Я уже два года тебе объясняю, что к чему, а ты упрямисься... — мама взяла со дна миски ягодку и откусила половинку. — Хочешь?

— Нет. А когда придёт Марина?

— Да с минуты на минуту.

Мама посмотрела на дочку, потом взяла веник и прошлась ещё раз по только что выметенному полу.

Следующий день

Марина так и не пришла. И её мужа нигде не было. И тетю Катю с дочкой тоже давно никто не видел. Мы с её Варькой часто во дворе гуляли раньше, когда немцев не было. А теперь стало совсем не с кем играть в «партизанок».

Мне разрешили не возвращаться в подвал — остаться дома, потому что в городе стало тихо. Мама принесла из подвала мне все книжки. Я уже прочитала их. А наших большевиков никто не видел, и новые книжки они больше не приносили. И мы с мамой решили пойти и поискать наших большевиков. Может, они куда-то уехали и оставили нам записку?

В тот день на улице было много людей. Они наконец-то смогли выйти на рынок, торговать молоком и творогом, поговорить друг с другом. Когда по городу не шагают немцы там и тут, мне хочется петь. И я с радостью запеваю:

— Помню, как в памятный вечер падал платочек твой с плеч...

— Ты где эту песню услышала? — обрывает меня мама.

— Тётя Катя как-то раз пела.

— Это взрослая песня, Лида. Не нужно её петь. И вообще петь не нужно, не накликай беды...

Почему песней можно накликать беду? Хорошая же песня... Мы идём дальше. Я молчу. Потому что не люблю, когда мама сердится. Мы подошли к дому, где живёт тётя Марина. Дверь висела как-то косо, едва держась на одной петле.

— Мам, мне больно!

Мама так сильно сжимала мне руку, что чуть слёзы не полились.

— Пойдём поищем их ещё... Может, они успели сбежать, — сказала она, отворачиваясь куда-то в сторону.

— А в дом мы не пойдём? Ты думаешь, что именно их забрали? — я почувствовала, как что-то холодное и липкое пробежало у меня по спине.

— Пойдём...

Мы решили поискать наших большевиков на берегу. Шли знакомым безопасным путём — через овраг. Там много колючек, и от них всегда болят ноги. Но нам же нужно найти тетю Марину! А ноги у меня всё равно всегда в синяках.

Как русские партизаны, мы спрятались за кустарниками так, чтобы было видно главные ворота тридцать первого завода. Там сидели немцы.

У меня уже затекли колени, и в них неприятно покалывало. Я хотела попросить маму уйти, всё равно тети Марины нигде нет, значит, нужно искать в другом месте. Что зря сидеть? Но тут ворота открылись. Из них выехала большая машина с грязными колёсами, на которых налипли комья земли вперемешку с травой.

Из-под серого брезента в разные стороны торчали руки, ноги, тёмные лоскуты одежды... Как у мягких ватных кукол... Руки и ноги мерно раскачивались, пока машина разворачивалась. Из подъезда выбежал солдат, по щиколотку в грязи, подошёл к грузовику и стал копаться в кузове. Жёсткие белесые волосы торчали из-под каски, остро очерченный нос сморщился от ударившего в лицо запаха. Мой принц вытащил из-под груды тел золотую цепочку, оглянулся вокруг и быстро засунул её в карман. Отошёл, окрикнул водителя. Тот послушно гаркнул в ответ, машина дёрнулась и поехала. Я не могла дышать. С ноги одной из кукол съехали и свалились во взрытую землю туфли с загнутыми носами.

Такие носили когда-то турецкие султаны.